

ЛИНГВИСТИКА

Л.И. Горбунова

Иркутский государственный университет

Семантическая структура адъективной приставки *сверх-* в свете локалистской теории

Аннотация: В статье изучается локативный компонент как важнейший фактор, лежащий в основе семантической целостности языковой единицы и определяющий направление семантической деривации.

This article is devoted to studying of locative component as the main factor underlying of semantic integrity of adjective prefix and predetermining tendency of semantic derivation.

Ключевые слова: адъективный префикс, прототипическая локативная ситуация, семантическая модель.

Adjective prefix, prototypical locative situation, semantic model.

УДК: 183-2.

Контактная информация: Иркутск, ул. Карла Маркса, 1. ИрГУ, кафедра русского языка и общего языкознания. Тел. (3952) 243995. E-mail: ludgorbunova@mail.ru.

Изучение значения релятивных единиц языка связано с одной широко обсуждаемой в последнее время теоретической проблемой. В науке о языке значения различных типов достаточно часто интерпретируются как производные от локативных значений. Исследование языка с этих позиций называется локалистской грамматикой [Langacer, 1991; Janda, 1993; Крейдлин, 1994; 1997; Логический анализ языка 2000; Кустова, 2004]. Квалификация локативных значений как базовых развивается и когнитивным направлением лингвистики. «Исследователи традиционно исходят в описании семантической структуры пространственно-дистанционных предлогов и наречий из геометрических характеристик сцены, которую задает предлог (наречие) в рамках локативного значения. Получив там искомый алгоритм, который представляет собой схематическое описание денотативной ситуации, сделанное на основе зрительной перцепции, они проецируют его на другие виды семантических пространств – временное, социальное и др., и ищут подтверждения в языковом материале выдвинутой гипотезе» [Кириченко, 2000, с. 339]. См. также: [Brugman, Lascoff, 1988; Селиверстова, 2000; Рябцева, 1997; Маляр, Селиверстова, 1998].

При этом ставится задача описать многозначную приставку или предлог как семантическое единство. Разнообразие текстовых реализаций значения не позволяет с легкостью свести все их к общему семантическому источнику. Как показала практика изучения семантики языковых единиц, далеко не всегда можно установить семантическую связь между отдельными, пусть даже попарно организованными значениями, что многократно было доказано на материале самостоятельных единиц языка [Кустова, 2004]. Еще в большей мере это касается служебных единиц из-за специфики их релятивного значения. Таким образом, вопрос об адекватном целостном описании полисемантической служебной единицы языка остается во многом открытым.

На наш взгляд, именно эти теоретические трудности стали причиной того, что в последнее время все более популярной в русской лингвистике становится новая точка зрения на статус пространственного компонента в значениях языковых единиц: «Мы полагаем, что понятие пространственного прототипа как единственный инструмент анализа семантики предлога неудовлетворительно» [Плунгян, Рахилина, 2000, с. 118]. Развитие значения языковой единицы рассматривается уже не как переход от конкретного к абстрактному, от видимого образа к более сложному концепту, структура которого полностью определяется исходным пространственным представлением. При описании значений многозначных единиц, в частности, предлогов и глагольных приставок, исследователи задаются вопросом о роли пространственного компонента: «Является ли он определяющим для понимания механизмов полисемии предлога, или этой полисемией управляют другие закономерности?» [Пайар, Плунгян, 2000, с. 83]. Сторонники нового подхода к интерпретации многозначности строевых элементов языка утверждают, что семантическую структуру таких единиц следовало бы описывать «не в рамках ставшего уже традиционным перцептивно-геометрического подхода, а с совершенно иных позиций» [Кириченко, 2000, с. 351].

В некоторых работах [Кронгауз, 1998; Пайар, 2000; Пайар, Плунгян, 2000; Плунгян, Рахилина, 2000] развиваются идеи функционализма как основы преобразования прототипического значения: «функциональный компонент постепенно подавляет пространственный, становясь движущей силой в семантической эволюции предлога» [Пайар, Плунгян, 2000, с. 84].

Таким образом, одной из самых активно обсуждаемых проблем современной русистики стала роль пространственного компонента в организации значения полисемантической единицы.

Однако лингвистика не готова отказаться от локалистского подхода к интерпретации семантики языковых единиц, поскольку, как показывает практика, он обладает достаточно мощной объяснительной силой [см., например: Селиверстова, 2000].

Как показал анализ, именно присвоение локативному компоненту статуса базового позволяет естественно и непротиворечиво описать сферу функционирования и развитие значений адъективного префикса. Базовое локативное значение отражает прототипическую ситуацию: объект **У**, названный существительным в именной группе, находится в некоторой точке или зоне пространства по отношению к локуму [термин Всеволодова, Владимирский 1982] **Х** – объекту, названному производящим в отсубстантивном префиксально-суффиксальном прилагательном (*внеплощадочный* ‘находящийся за границами площадки’, *подводный* ‘находящийся ниже поверхности воды’).

Прототипическая ситуация – это когнитивная модель ситуации, с которой связано базовое значение префикса. Это не сама ситуация, существующая в действительности, а ее модель, так как префикс отражает не отношения между объектами, а то, как эти отношения познаны и концептуализированы говорящим. Например, словосочетания *вокругверандная растительность* и *околоверандная растительность* могут отражать абсолютно одинаковые денотативные ситуации: растительность занимает некоторое место в зоне веранды, полностью окружая ее. Однако именно так однозначно можно истолковать только ситуацию, номинированную приставкой *возле-*. Используя приставку *около-*, говорящий несколько переставляет акцент с ‘полностью окружает **Х**’ на ‘находится в зоне, окружающей **Х**’. Информация о том, вся это зона или только ее часть, или, может быть, точка, остается за пределами высказывания. Таким образом, префикс может отражать не все знание о ситуации, выделяя некоторые ее аспекты и игнорируя другие. Поскольку в данной работе локативному компоненту присваивается статус базового, то прототипическая ситуация есть когнитивная модель локативной ситуации, отражаемой базовым локативным значением префикса.

Организирующую роль локативного компонента убедительно демонстрирует семантическая структура адъективной приставки *сверх-*.

Как отмечается всеми словарями и грамматиками, в современном русском языке базовым значением приставки *сверх-* является нелокативное значение 1. 'в большой степени', 'очень' (*сверхвысокий, сверхбогатый, сверхкороткий, сверхсильный*). Однако несомненным является и факт, эксплицируемый внутренней формой префикса: в основе возникновения базового значения приставки *сверх-* лежит метафора пространства, в которой переосмыслена позиция одного объекта выше другого. Поэтому появление у префикса квантитативного значения, являющегося в современном русском языке базовым, выглядит вполне системно, поскольку в нем реализуется семантическая модель 'локализация' – 'квантитативность'. Базовое значение префикса представляет собой результат сближения смыслов 'находящийся выше X, на верху X' и 'очень'.

2. Даная семантическая модель в структуре значений приставки *сверх-* представлена и другим регулярным тип переосмысления позиции выше X – 'больше X': *сверхзвуковые скорости, сверхнормативные запасы, сверхурочные работы, сверхквотный ввоз, сверхлимитная задолженность, сверхбазисная стоимость*.

При этом следует отметить, что и другие префиксы, связанные с прототипической ситуацией, отражающей вертикальную локализацию, способны развивать свое значение в этом направлении. Расположение на вертикальной оси выше / ниже X традиционно на основе когнитивной метафоры переосмыляется как 'больше' / 'меньше' на фоне концептуализации количественных характеристик X как количественной нормы (*надкалиберный, надпороговый, надынтегральный, сверхсрочная служба, сверхплановое ожидание, сверхделовое возбуждение, сверхсветовые показатели*), префикс же в этом случае указывает на то, в какую сторону (увеличения или уменьшения) происходит это отклонение:

*Те виртуальные двести всегда существовали в голове у мальчика, придавая куртке некий другой **надценочный** вес* (Г. Щербакова);

*Это ядро окружено слоем газов в перегретом **надкритическом** состоянии, который, в свою очередь, окружен слоем обыкновенных газов* (В. Обручев);

*Что здесь, среди этих мирных и приветливых людей уже ходят психопаты, что почти у всех вас налицо все симптомы латентной шизифки – и если не среагировать вовремя, через два-три года она превратится в **надпороговую**, и тогда вы, замечательные соседи и товарищи, превратитесь в злейших врагов друг другу* (А. Лазарчук).

С квантитативностью значения вполне согласуется то, что производящие часто называют не объект, как того требует локативное значение, а размер, величину (*цена, порог, квота, критические температуры, скорость света*). В том случае, если производящее является именем объекта, ситуация подвергается метонимической обработке и значение производящего интерпретируется как количество. Именно в результате таких когнитивных процессов значение прилагательного *надрешетный* понимается как 'больше размеров решетки', а не 'выше решетки'.

Интересно, что приставка *под-* не развивает ожидаемого значения 'меньше X', что еще раз доказывает специфический характер симметрии вещного пространства через неодинаковую концептуализацию его симметричных характеристик: антонимия смыслов 'выше' / 'ниже' и их регулярная метафоризация не обязательно влечет за собой развитие противопоставленных количественных значений 'больше' / 'меньше' у антонимичных приставок. Однако подобное значение, реализующее описанные когнитивные механизмы, обнаруживается у приставки *суб-* (*субмикронный, субкритический*).

Таким образом, выражение квантитативных смыслов с помощью адъективных приставок происходит за счет метафорической обработки локализации по

вертикали и концептуализации характеристик локума **X** как количественной нормы.

3. Приставка *сверх-*, наряду с другими адъективными префиксами (*над-*, *под-*, *суб-*), способна функционировать как средство, выражающее результаты сравнения качеств **X** и **У**. **X** в таких случаях выступает как объект, на основании свойств которого происходит сопоставление. **У** характеризуется через степень соответствия качествам **X**.

В основе квалитативного сравнения снова лежит метафора локализации по вертикали, сближающая смыслы 'выше / ниже **X**' и 'имеющий больше / меньше качеств **X**'. Префикс указывает на отклонение от основания сравнения, в качестве которого выступают квалитативные характеристики **X**, в сторону увеличения или уменьшения.

Смысл 'неполное проявление признака', выражаемый приставкой *суб-*, является результатом метафоризации смысла 'расположенный ниже'. Таким образом, прилагательные *субвертикальный*, *субгоризонтальный*, *субширотный*, *субмеридианальный* означают не 'находящийся ниже горизонтали' и т.п., а 'располагающийся в направлении, близком к горизонтальному', т.е. вместо локативного значения имеют квалитативное, хотя и реализующееся в вещном пространстве.

Локализация за пределами **X** выше него в умозрительных пространствах осознается как преодоление рамок, выход за границы, установленные **X**, наличие независимости. Акцент на несопротраженности **X** и **У** часто означает приобретение новых качеств, интерпретируемых либо как более ценные, либо особенные, выдающиеся, выбивающиеся за рамки обычных представлений:

Социально-политическая потребность не сводима к сумме индивидуальных, на надличностном уровне возникает новое качество (К. Холодковский).

Правитель, наделенный невероятными, сверхчеловеческими полномочиями, не может, не должен оставаться один на один со своей сверхчеловеческостью (А. Архангельский);

*Догмат здесь – идиома, свернуто доносящая до разума **сверх-** (но не анти!-) разумный опыт цельности и Богочеловеческого бытия-общения* (А. Люсьи);

*Он находится во власти неведомого ему господина, **сверхчеловеческой** и нечеловеческой силы, которая овладевает обществом, не желающим знать Истины, Истины Господа* (Николай Бердяев);

*Муж Веры Ивановны Сербинной Всеволод Георгиевич Херц работал в **сверхклассическом**, консервативном жанре – силовой жонглёр* (Игорь Кио).

В контекстах эксплицируется концептуализирующая функция синонимичных префиксов *сверх-* и *над-* на фоне синонимизации с приставкой *вне-*, которые не только указывают на локализацию за рамками **X**, как это делает *вне-*, но и осмысляют эту ситуацию с точки зрения ее ценностных характеристик:

*Власть начинает выступать как **внеправовая** и **сверхправовая** сила, руководствующаяся в своих действиях ображениями государственной целесообразности* (М. Чернавский);

*Или, другими словами, имеющее **внеприродные** основания (**надприродные, сверхприродные**, как угодно их назовите) и, тем самым, **сверхопытные**, потому что все, что опытно природно* (Мераб Мамардашвили).

4. Локализация вне рамок **X** может осмысляться и как объединение однородных объектов. В результате такой когнитивной операции префикс *сверх-* приобретает значение 'общий для нескольких **X**':

*Наоборот; как в пафосе Отечественной войны с необходимостью звучал национальный, домашний мотив; как в симфонии Империи Российской его заглушали державные ритмы: так в венских замыслах Александра гремел **сверхнациональный, всеевропейский хорал*** (А. Архангельский);

Модификация локативного значения в значение 'общий для нескольких **X**' происходит также на основе переосмысления позиции одного объекта выше дру-

гого. Однако это значение невыводимо из значения функциональной, да и пространственной, доминанции [Ср. Пайар, Плунгян, 2000, где все производные нелокативные значения предлога *над* объясняются через функциональную доминанцию]. Здесь важным оказывается другой, очень общий и неконкретный признак прототипической ситуации. Несопропространственность **X** и **У**, локализация за пределами **X** позволяет нескольким объектам объединяться. Такая интерпретация позиции выше **X** обуславливает появление значения 'общий' у приставок, соотносимых с прототипической ситуацией, включающей признак 'находящийся выше **X**'. Демонстрация этого когнитивного хода имеется в примере, в котором общность нескольких объектов выражается с помощью *поли-* и *над-*, приравненных друг к другу в значении, а кроме того, использование приставки *не-* подчеркивает, что **У** не находится в рамках объекта **X**:

Полиэтнический (или надэтнический) национализм чжунхуа миньцзу, за который ратуют китайские исследователи, думается, еще одно свидетельство в пользу трактовки этой нации как неэтнической общности (Доктрина китайской нации // «Проблемы Дальнего Востока», №6, 2002).

5. Приставка *сверх-* распространяет свое функционирование и в область отражения структурных отношений, называя объекты, занимающие более высокий уровень в организации системы, чем **X**. При этом мы опять можем наблюдать актуализацию тех же когнитивных процессов, что и при перестройке значения приставок *над-*, *под-*, *суб-*: при номинации степени сложности объекта и места **У** в общей его структуре эксплуатируется метафора вертикальной локализации, которая позволяет приставкам *сверх-*, *над-* и *суб-* развивать производные значения 'входящий в более высокий / низкий структурный уровень', локализация по вертикали экстраполируется на уровневую организацию объекта:

А внутри самих платных поликлиник ещё своя, сверхплатная индустрия частных услуг (И. Грекова);

Обнаружена серия сверхструктурных рефлексов, расположенных вдоль координатных направлений, которые образуют внутри матрицы брэгговских узлов основной (host) структуры собственную (guest) решётку (В. Бакк);

Его теория объясняет также такие сверхчувственные феномены, как ясновидение и телепатия (А. Волков);

Надмолекулярная структура его представляет собой систему полимерных глобул размером 100 нм, жестко сшитых между собой цепями (Размерные эффекты и межкластерные взаимодействия в наносистемах // Российский химический журнал, 2001);

Таким образом, речь идет о математической задаче явного разделения полиномов и экспонент в рамках единой меры с выделением множества функций, разграничивающих полиномы и экспоненты, и дополнительных множеств субполиномиальных образований и функций (М.В. Ульянов).

Итак, анализ семантической структуры приставки *сверх-* позволяет говорить о том, что префиксы *над-*, *под-*, *суб-* и *сверх-* соотносятся с одинаковыми концептуальными областями, несмотря на то, что первые три префикса имеют исходное пространственное значение, а префикс *сверх-* не имеет такового. Однако именно общность прототипической ситуации, лежащей в основе денотативного пространства всех данных языковых средств, позволяет им развивать близкую систему значений, эксплицирующую когнитивную связь описанных семантических областей. Ср.: «Высота обычно коррелирует с размером, а размер с количеством» [Линднер, 2000, с. 73].

Семантическая структура приставки *сверх-* особо близка семантической структуре приставки *над-*. Это объясняется тем, что оба префикса соотносятся с верхом, одинаково концептуализирующимся с помощью разных языковых средств. Поскольку префиксы *под-* и *суб-* соотносятся с низом, то обнаруживается различие в том, как данные приставки и приставки, соотносимые с верхом, рас-

ставляют смысловые акценты при выражении сходных модификационных значений.

Таким образом, перцептуальная симметричность областей над и под обеспечивает одинаковое направление модификационных процессов в семантической структуре префиксов *над-, сверх-, под-, суб-*.

Анализ семантических модификаций в структуре значения адъективных префиксов показал, что смысловая область 'пространство' регулярно сближается со смыслами 'качество', 'количество', 'общность', 'структура'. Эта регулярность проявляется в нескольких моментах. Во-первых, каждая из названных семантических модификаций затрагивает значения нескольких приставок. Во-вторых, приставки, используемые для номинации сходных прототипических ситуаций, проявляют похожие тенденции в модификационных процессах, а, следовательно, и в семантической структуре. В-третьих, в основе семантической модификации одного типа лежат схожие когнитивные операции, позволяющие схожим образом омыслить характеристики прототипических ситуаций.

Все эти аргументы позволяют возвести данные модификации в ранг семантических моделей. Регулярность и системность значений префиксов обусловлена сходством прототипических локативных ситуаций, лежащих в основе области денотации префикса, что подтверждает важность локативной составляющей в организации семантики не только единиц с пространственным значением, но и не имеющих такового.

Литература

Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М., 1982.

Кириченко А.С. Системные семантические характеристики и область денотации предлога *между* // Исследования по семантике предлогов. М., 2000. С. 338–352.

Крейдлин Г.Е. Метафора семантических пространств и значение предлога // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 19–31.

Крейдлин Г.Е. Время сквозь призму временных предлогов // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997. С. 139–151.

Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.

Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.

Линднер С. То, что движется вверх (*up*), не обязательно может следовать вниз (*down*): сопоставление *in* и *out* // Исследования по семантике предлогов. М., 2000. С. 55–82.

Логический анализ языка: Языки пространств. М., 2000.

Маляр Т.Н., Селиверстова О.Н. Пространственно-дистанционные предлоги и наречия в русском и английском языках. Мюнхен, 1998.

Пайар Д., Плунгян В.А. Предлог НАД: факты и интерпретации // Исследования по семантике предлогов. М., 2000. С. 83–114.

Плунгян В.А., Рахилина Е.В. По поводу «локалистской» концепции значения: предлог ПОД // Исследования по семантике предлогов. М., 2000. С. 115–133.

Рябцева Н.К. Аксиологические модели времени // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997. С. 78–95.

Селиверстова О.Н. Семантическая структура предлога НА // Исследования по семантике предлогов. М., 2000. С. 189–242.